

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17308>

EDN: <https://elibrary/RABPYR>

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОЙ САМОЗАЩИТЫ И ИХ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕБАТОВ БУНДЕСТАГА)

Г.В. Перминова , М.И. Дойникова

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Москва, Российская Федерация

 perminowa_gv@mail.ru

Аннотация. Речевая стратегия самозащиты играет важную роль в парламентской коммуникации. Данная стратегия понимается как направленность речевого поведения, которая реализуется через конечный набор объективно существующих и статистически верифицируемых лингвопрагматических механизмов: оборонительного, конструктивно-сбалансированного, наступательного (агонального) и смешанного. Однако вопрос о том, как данные механизмы детерминированы партийной принадлежностью, остается открытым. Цель работы состоит в том, чтобы проверить гипотезу, согласно которой данные механизмы могут быть с высокой точностью предсказаны на основе тактического профиля и партийной принадлежности. Теоретические основания анализа определены с позиции теории речевых стратегий и тактик, прагмалингвистики и корпусно-ориентированного дискурс-анализа. Материалом послужил корпус из 363 стенограмм выступлений депутатов бундестага за 2025–2026 гг. Каждое выступление аннотировано по формализованному перечню лексико-грамматических маркеров. В эксперименте сопоставлялись два классификатора (мультиномиальная логистическая регрессия и случайный лес) на полном (тактические частоты и партийные индикаторы) и редуцированном (только тактики) наборах признаков. Полная модель достигла безошибочной точности классификации (1,00 при кросс-валидации). При исключении партийных признаков точность снизилась до 0,53–0,55, что более чем вдвое превышает случайный уровень (0,25). Установлено, что партийная принадлежность выступает интегральным предиктором, полностью определяющим тип механизма, а тактики оспаривания и противопоставления выполняют вспомогательную роль стилистических усилителей. Полученные результаты подтверждают, что выделенные механизмы являются не исследовательскими конструктами, а объективно существующими моделями речевого поведения, жестко детерминированными институциональной ролью и идеологической позицией партии.

Ключевые слова: речевая самозащита, лингвопрагматический механизм, парламентский дискурс, бундестаг, тактический профиль, партийная принадлежность, предиктивное моделирование.

Для цитирования: Перминова Г.В., Дойникова М.И. Лингвопрагматические механизмы речевой самозащиты и их детерминация партийной принадлежностью (на материале дебатов бундестага) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 3. С. 125–144. DOI: 10.18721/JHSS.17308

LINGUOPRAGMATIC MECHANISMS OF VERBAL SELF-DEFENSE AND THEIR DETERMINATION BY PARTY AFFILIATION (BASED ON BUNDESTAG DEBATES)

G.V. Perminova , M.I. Doynikova

Moscow State Institute of International Relation (MGIMO),
Moscow, Russian Federation

 perminowa_gv@mail.ru

Abstract. The strategy of verbal self-defense plays an important role in parliamentary communication. This strategy is understood as an orientation of speech behavior that is realized through a finite set of objectively existing and statistically verifiable linguopragmatic mechanisms: defensive, constructive-balanced, agonistic, and mixed. However, the question of how these mechanisms are determined by party affiliation remains open. The aim of this study is to test the hypothesis that these mechanisms can be predicted with high accuracy on the basis of tactical profile and party affiliation. The theoretical framework of the analysis draws on the theory of speech strategies and tactics, pragmalinguistics, and corpus-informed discourse analysis. The corpus consists of 363 transcripts of Bundestag deputies' speeches from the 2025–2026 sessions. Each speech was annotated according to a formalized list of lexical and grammatical markers. Two classifiers (multinomial logistic regression and random forest) were compared on a full feature set (tactical frequencies and party indicators) and a reduced set (tactics only). The full model achieved perfect classification accuracy (1.00 under cross-validation). When party indicators were removed, accuracy decreased to 0.53–0.55, yet remained more than twice the chance level of 0.25. The results show that party affiliation acts as a decisive predictor fully accounting for the type of mechanism, with challenge and contrast serving as stylistic amplifiers rather than independent determinants. The identified mechanisms thus emerge not as analytical artifacts but as real, statistically robust patterns of speech behavior, shaped by the institutional role and ideological stance of each party.

Keywords: verbal self-defense, linguopragmatic mechanisms, parliamentary debates, German Bundestag, tactical profiles, party affiliation, predictive modeling.

Citation: Perminova G.V., Doynikova M.I. Linguopragmatic Mechanisms of Verbal Self-Defense and Their Determination by Party Affiliation (Based on Bundestag Debates), *Terra Linguistica*, 17 (3) (2026) 125–144. DOI: 10.18721/JHSS.17308

Введение

Политическая коммуникация принадлежит к числу тех сфер, где язык не только отражает действительность, но и активно ее формирует, превращаясь в орудие борьбы за власть. В этой борьбе речевая самозащита оказывается одной из ключевых стратегий. Последняя представляет собой особую направленность речи, которая реализуется при возникновении угрозы легитимности и стремится восстановить или укрепить ее, а вместе с ней и публичный образ политического актора.

В последние годы интерес к речевой самозащите заметно вырос, однако исследования долгое время ограничивались качественным описанием разрозненных тактик. За данными описаниями не просматривались устойчивые модели поведения, и оставалось неясным, как они связаны с институциональной позицией партии. Настоящая работа решает задачу перехода от качественного анализа тактик к количественной верификации связи между лингвопрагматическими механизмами самозащиты и партийной принадлежностью.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы установить, каким образом партийная принадлежность депутатов бундестага обуславливает конкретный лингвопрагматический механизм речевой самозащиты. В основе работы лежит тезис о том, что тактики самозащиты не комбинируются хаотично, а образуют статистически устойчивые конфигурации, называемые лингвопрагматическими механизмами, каждый из которых закреплен за определенной институциональной позицией.

Гипотеза исследования состоит в том, что данные механизмы устойчиво связаны с институциональной ролью и идеологической позицией партии и, следовательно, могут быть с высокой точностью предсказаны на основе анализа речевого поведения. Ожидается, что, во-первых, партийная принадлежность выступит в качестве интегрального предиктора, достаточного для безошибочной классификации механизмов. Во-вторых, при исключении партийных признаков тактические переменные (частоты оправдания и критики) сохранят предсказательную силу, существенно превышающую случайный уровень, что подтвердит их самостоятельный вклад в формирование механизма самозащиты.

Постановка проблемы

В научных работах защитное речевое поведение обсуждается в рамках нескольких пересекающихся понятий. Чаще всего речь идет о *стратегии самозащиты*, *защитной риторике* и *восстановлении имиджа*. В англоязычной традиции используются обозначения *self-defense strategy*, *image repair* и *blame avoidance behavior*, в немецкоязычной традиции закрепились понятия *Imagepflege*¹ и *Selbstverteidigung*².

Исследования последних лет, опирающиеся на материал разных языков и политических культур, показывают, что стратегия самозащиты в парламентском дискурсе носит универсальный характер. Ее тактический репертуар, включающий оправдание, оспаривание и противопоставление, обнаруживает устойчивые параллели в разных языках и типах политической коммуникации [1–4], а сама она, как правило, адресована не столько непосредственному оппоненту, сколько «третьему адресату», под которым понимаются избиратели, СМИ и общественное мнение [3; 5]. Конкретная конфигурация тактик и их стилистическое оформление варьируются в зависимости от институционального контекста и национальной политической традиции [6; 7], а связь между типом кризиса и выбором тактик является статистически значимой, но относительно слабой [8]. Последнее обстоятельство дает основания полагать, что вариативность защитного речевого поведения детерминирована не столько ситуативными факторами, сколько более устойчивыми характеристиками, в частности партийной принадлежностью говорящего.

Стратегия речевой самозащиты занимает центральное место в арсенале политических акторов, действующих в условиях институциональной адверсативности, того перманентного противоборства, которое, как показала К. Илие, является не отклонением, а нормой парламентской коммуникации [9]. Данную адверсативность, как продемонстрировал А. Буркхардт, обслуживает целый репертуар речевых жанров [10], и она способна под воздействием процедурных факторов, прежде всего систематической блокировки промежуточных вопросов, порождать компенсаторную инвективность, зафиксированную Е. Кохом и А. Кюпфером [11]. В отличие от стратегий дискредитации или манипуляции, направленных преимущественно на оппонента и детально описанных О.Н. Паршиной [12] и Т.А. ван Дейком [13], самозащита совмещает оборонительный и наступательный векторы. При этом если дискредитация и манипуляция ориентированы на понижение статуса оппонента, то самозащита, как показано О.Н. Паршиной,

¹ Makowski J. Von Imagepflege zur Diskreditierung politischer Gegner // Hassrede als Strategie von Online-Pressemitteilungen. Hassrede – ein multidimensionales Phänomen im interdisziplinären Vergleich / hrsg. von J. Makowski. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020. S. 213–248. DOI: 10.18778/8142-633-6.12

² Becker K.B. Politisches Skandalmanagement: Strategien der Selbstverteidigung in politischen Affären der Bundesrepublik Deutschland. 1st ed. Verlag Barbara Budrich, 2016. 424 S. DOI: 10.2307/j.ctvddzjs

позволяет депутату одновременно легитимировать собственную позицию и делегитимировать оппонента [12, с. 73].

Интерес к данной проблематике выходит далеко за пределы германистики. В современной политической лингвистике такие явления, как «вербальная война» и поляризация, стали ключевыми для понимания механизмов функционирования языка в социуме. Их теоретическое осмысление во многом опирается на анализ риторики правых популистов, представленный в классической работе Р. Водак [14], и продолжено в исследованиях последних лет [15; 16]. Исследования показывают, что в разных политических культурах, от американского политического интервью до британских и латиноамериканских парламентских дебатов, самозащита выполняет двойную функцию, совмещая отражение критики и вербальное наступление на оппонента, причем ее ядро составляют повторяющиеся тактики оправдания, критики, оспаривания и противопоставления [1–4; 6].

Анализ речевой стратегии самозащиты является активно развивающейся областью, опирающейся на фундаментальные труды по теории речевых стратегий и тактик [17, 18]. Отечественная политическая лингвистика закрепила определение О.Н. Паршиной, согласно которому стратегия самозащиты представляет собой совокупность речевых действий, направленных на защиту или нападение в сочетании с агональными средствами воздействия [12, с. 7]. Исследователь выделила тактики оправдания, оспаривания и критики, образующие репертуар оборонительной самозащиты, тогда как наступательная самозащита опирается на агональные тактики упрека и угрозы [12, с. 15]. Я.Ю. Хлопотунов, работая на материале американского политического дискурса, показал, что самозащита относится к числу конфронтационных стратегий и ее ключевой характеристикой является способность обеспечивать переход коммуниканта от обороны к наступлению, причем тактический репертуар включает наряду с оправданием и оспариванием также ответную критику (контробвинение), возмущение и противопоставление [1, с. 8]. В.С. Храмченко, рассматривая американский политический дискурс, определяет стратегию самозащиты как комплекс речевых средств, направленных на предотвращение или минимизацию личного ущерба, восстановление публичного имиджа и возвращение шансов в борьбе за власть [15, с. 117]. Применительно к немецкому политическому дискурсу стратегия самозащиты представителей правящей коалиции бундестага определяется как фундаментальный механизм, посредством которого власть осуществляет не только реактивное противодействие обвинениям, но и восстановление легитимности, адаптируя речевое поведение к изменяющимся социальным ожиданиям [8, с. 4114].

Приведенный спектр определений свидетельствует о том, что исследовательский консенсус относительно состава и границ стратегии самозащиты еще не достигнут, а ее тактический репертуар варьируется в зависимости от дискурсивного контекста. Вместе с тем все рассмотренные подходы объединяет одна общая черта, а именно то, что они выполнены в качественной, описательной парадигме и не ставят задачу объективной, количественной верификации выделяемых типов. Остается открытым вопрос о том, образуют ли тактики самозащиты устойчивые, статистически верифицируемые комбинации, трактуемые нами как лингвопрагматические механизмы и под влиянием каких детерминант данные комбинации формируются.

В настоящем исследовании **стратегия самозащиты** понимается как направленность речевого поведения политического актора, которая реализуется через конечный набор объективно существующих и статистически верифицируемых лингвопрагматических механизмов (оборонительного, конструктивно-сбалансированного, наступательного (агонального) и смешанного), каждый из которых представляет собой устойчивую комбинацию тактик оправдания, оспаривания, противопоставления и критики, детерминированную институциональной ролью и идеологической позицией партии и активируемую в ответ на угрозу легитимности. Данная трактовка опирается на сложившееся в политической лингвистике представление о речевой

стратегии как об осознанном выборе способов построения речи, который подчиняется общей коммуникативной цели и определяет семантический, стилистический и прагматический облик высказывания [17, с. 105–107].

Выделенные ранее на основе корреляционного анализа механизмы различаются соотношением двух опорных тактик, оправдания и критики, и закреплены за конкретными партийными группами. Оборонительный механизм (блок ХДС/ХСС) отличается доминированием оправдания при минимальной доле критики. Конструктивно сбалансированный механизм («Союз 90 / Зеленые») сочетает аргументированную защиту с умеренной критикой оппонентов. Наступательный, или агональный, механизм (Левая партия) строится на резком преобладании критики и противопоставления. Подобное **сочетание тактик самозащиты** опирается на глубинные дискурсивные закономерности конструирования образа «чужого», которые, как показано в корпусно-статистическом исследовании В. М. Глушака, характеризуются объектностью и эссенциализацией [19]. Смешанный механизм (АдГ) представляет собой комбинацию оборонительных и наступательных ходов.

Чтобы понять, какое место занимает самозащита среди других речевых действий, стоит обратиться к тому, как она соотносится с базовыми функциями текста. Опираясь на классификацию речевых актов, исследователи выделяют информативную, апеллятивную, облигаторную, контактоустанавливающую и декларативную функции [20, с. 79]. Однако, как показывают работы последних десятилетий, реальные коммуникативные установки субъекта устроены сложнее. В частности, было детально разработано понятие персуазивной функции, объединяющей рациональное обоснование с эмоционально-оценочными средствами воздействия и не сводящейся к одной лишь аргументации [20, с. 79–80].

В данном методологическом контексте самозащита, как мы полагаем, не является еще одной функцией в ряду перечисленных. Она представляет собой особую направленность речевого поведения, активируемую в ситуации угрозы легитимности и задействующую ресурсы всех перечисленных выше функций для решения единой прагматической задачи по сохранению и восстановлению легитимности говорящего. В рамках самозащиты персуазивная функция служит убеждению аудитории в правоте говорящего, а инструктивная и императивная — предъявлению оппоненту или аудитории желаемой модели поведения или оценки. Именно данная способность объединять разные функции и отличает самозащиту от смежных речевых действий. Персуазивная функция, которая по своей сути убеждает адресата и меняет его когнитивные установки, может реализовываться и вне ситуации угрозы имиджу говорящего. Самозащита же возникает именно в ответ на коммуникативные действия, несущие угрозу легитимности говорящего. Императивная функция по своей природе направлена на прямое побуждение к действию и изменение поведения адресата. Однако в рамках самозащиты побуждение является лишь инструментом, призывающим оппонента к ответу. Инструктивная функция, ориентированная на предписание и нормирование действий, не связана с необходимостью восстановления пошатнувшегося статуса, в то время как самозащиту запускает некоторая угроза легитимности, даже если впоследствии она приобретает проактивные, упреждающие формы. Таким образом, специфика самозащиты как речевой стратегии заключается в ее двойственной оборонительно-наступательной природе и в способности интегрировать различные функциональные ресурсы языка в ответ на коммуникативное давление.

Анализ научной литературы позволяет выделить две основополагающие линии изучения стратегии самозащиты, которые до настоящего времени развивались параллельно, практически не пересекаясь.

Первую линию открывает классическая теория восстановления имиджа У.Л. Бенуа (Image Repair Theory, IRT) [21]. Ученый выделил базовые стратегии реагирования на обвинения, такие как отрицание, уклонение от ответственности, снижение негативной оценки, корректирующие

действия и признание вины. Позднее канадские исследователи Н. Надери и Г. Херст [22; 23] адаптировали данную таксономию, изначально разработанную на материале американской политической риторики, для компьютерного анализа канадского парламентского часа «Question Period» и впервые продемонстрировали возможность автоматического распознавания стратегий сохранения имиджа.

В отечественной политической лингвистике сложилась вторая, описательная линия, представители которой работают на материале стенограмм заседаний немецкого бундестага. Так, А.П. Крячкова убедительно показала, что вербальные атаки на имидж политических партий в бундестаге нередко оборачиваются самозащитой через нападение³. И.Е. Езан исследовала фактор адресации в речах немецких политиков и показала, что выбор оценочных средств, в том числе используемых для самозащиты, во многом определяется тем, к внутренней или внешней аудитории обращается оратор [24]. На материале кризисной парламентской коммуникации было установлено, что для правящих партий самозащита выступает фундаментальным механизмом легитимации власти [8]. М.И. Дойникова, детально показала, что стратегия самозащиты реализуется посредством переплетения тактик аргументации, критики, опровержения и оспаривания, уточнения и пояснения, игнорирования критики [25, с. 527–528], а в речевом поведении депутатов «Альтернативы для Германии» самозащита опирается на тактические приемы аргументации, критики и обвинения [26, с. 847]. В.М. Глушак и О.В. Принципалова разработали концепцию языкового моделирования речевого поведения [27]. Все перечисленные исследования выполнены в качественной парадигме и не ставят задачу количественной верификации выделяемых типов.

При всем разнообразии авторских классификаций ядро тактического репертуара самозащиты остается устойчивым. Сами тактики, однако, обладают выраженной спецификой, позволяющей дифференцировать их не номинально, а по характеру реализуемого речевого действия. Оправдание направлено на обоснование собственной позиции и смягчение ответственности. Данная тактика реализуется преимущественно через репрезентативы и тяготеет к стилистически нейтральным конструкциям (каузальные союзы *weil, da*, модальные глаголы *долженствования müssen, sollen*, оценочные предикаты *richtig, notwendig*⁴). Так, в примере (1) оправдание реализуется через указание на негативные последствия бездействия, а каузальный союз *deshalb* и оценочный предикат *die teuerste und unsozialste* оформляют предлагаемые меры как вынужденные:

(1) Dr. Christos Pantazis (SPD): *Wenn wir jetzt nicht handeln, droht eine neue Beitragsspirale zulasten von Beschäftigten, Rentnerinnen und Rentnern sowie der Unternehmen in unserem Land. Deshalb gilt: Nichts zu tun, wäre die teuerste und unsozialste aller Optionen* (Plenarprotokoll 21/84:10222 (D)).

Оспаривание фокусируется на опровержении аргументов оппонента без прямой негативной оценки его личности. Иллокутивную основу данной тактики составляют репрезентативы. При этом оспаривание может приобретать экспрессивную окраску, реализуясь через риторические вопросы: *Aber was will man auch erwarten?; Was ist es denn sonst, wenn?..; Was ist Ihre Alternative?; Wo soll es da denn eine Bezahlbarkeit geben?; Glauben Sie ernsthaft, dass?..*, и конструкции со значением сомнения: *Wenn Sie glauben, dann irren Sie sich; die Wahrheit ist; das ist nicht der Fall; ich frage mich, ob...* В примере (2) оспаривание реализовано через указание на правовую несостоятельность законопроекта об усилении кибербезопасности (нем. Gesetz zur Stärkung der Cybersicherheit) без перехода к прямой критике личности его авторов:

(2) Marcel Emmerich (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Bislang war der Staat im Cyberraum vor allem Verteidiger. Künftig soll er selbst aktiv in fremde IT-Systeme eindringen, Daten verändern, löschen*

³ Крячкова А.П. Вербальные атаки на имидж политических партий в бундестаге: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. С. 46.

⁴ Формализованный перечень лексико-грамматических показателей, использованных при идентификации тактик самозащиты, размещен в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 04.07.2026).

oder den Datenverkehr umleiten. Das ist einfach eine völlig neue Qualität, und die steht mit diesem Entwurf **nicht auf rechtssicheren Füßen** (Plenarprotokoll 21/86:10420 (C)).

Тактика критики всегда содержит негативную оценку действий, политики или личности оппонента. Критика тяготеет к экспрессивам и директивам, а ее стилистический арсенал включает пейоративную лексику (*Katastrophe*, *Skandal*, *Versagen*, *eine Ansammlung von Minderleistern*), гиперболу (*in Millionenhöhe*, *hoffnungslos überlastet*), метафору (*die Ausgaben explodieren*, *die Einnahmen brechen weg*, *der demografische Wandel steht vor der Tür*), иронию и сарказм. В примере (3) критика содержит экспрессивную негативную оценку действий правительства, усиленную риторическим вопросом, эмоционально-оценочным существительным *Zumutung* и наречием *wirklich*:

(3) Britta Haßelmann (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Dass ihr dafür Rentenpunkte erhaltet, können wir uns jetzt nicht mehr leisten. — Was ist das für ein Signal? Das ist wirklich eine Zumutung für die vielen pflegenden Angehörigen in unserem Land* (Plenarprotokoll 21/83:9932(D)).

Наконец, противопоставление работает на создание бинарных оппозиций (*wir* vs. *Sie*, *richtig* vs. *falsch*), при этом его основным стилистическим средством выступает антитеза, часто усиленная синтаксическим параллелизмом и лексическими антонимами. В примере (4) противопоставление строится на антитезе *Sie wollen* vs. *Wir wollen*, подчеркивающей различие в целях и ценностях:

(4) Jens Spahn (CDU/CSU): ***Sie wollen**, dass es Deutschland schlecht geht, damit Sie Ihr Süppchen kochen können. **Wir wollen** Deutschland wieder starkmachen* (Plenarprotokoll 21/83:9934(B)).

Приведенные характеристики подтверждают, что каждая тактика обладает устойчивым идиолективным профилем и специфическим стилистическим инструментарием, однако остается в рамках описательной парадигмы и не позволяет оценить статистическую значимость комбинаций последних.

Анализ основных линий изучения стратегии самозащиты показывает, что за наблюдаемым разнообразием тактик стоит устойчивая, статистически выверенная модель речевого поведения. Данная модель не сводится к случайному набору тактик, а обладает внутренней логикой. Мы определяем ее как лингвопрагматический механизм самозащиты. Данный механизм держится на соотношении тактик оправдания и критики и не является произвольным, поскольку его очертания задаются институциональной ролью и идеологической позицией партии, а конкретное речевое воплощение варьируется, представляя собой различные комбинации оборонительных и наступательных ходов. Вслед за Т. ван Дейком речевой ход трактуется нами как функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии [13; 17, с. 115].

Параллельно с качественными описаниями в последние годы активно развивается направление, представленное количественными исследованиями. Данные работы демонстрируют эффективность применения статистических методов и машинного обучения к анализу дебатов бундестага. В работе Л. Пэтца с соавторами [28], основанной на сентимент-анализе около 28 000 выступлений, зафиксированы значимые различия в тональности между партиями бундестага. Выявлено, что более 90% речей «Альтернативы для Германии» и около 80 % речей Левой партии несут негативную окраску. Т. Борнхайм [29] разработал методику автоматической атрибуции высказываний с использованием больших языковых моделей. Е. Кох и А. Кюпфер [11] обратили внимание на то, как процедурные факторы, и в первую очередь систематическая блокировка промежуточных вопросов, сказываются на речевом поведении депутатов. М. Бизида [30] применил критический дискурс-анализ к программной речи О. Шольца. Во всех перечисленных случаях исследовательский интерес сосредоточен на тональности, тематике или процедурных аспектах, тогда как тактический уровень остается вне поля зрения. Между тем именно на этом уровне оправдание, критика, оспаривание и противопоставление образуют устойчивые комбинации, которые мы квалифицируем как лингвопрагматические механизмы самозащиты.

Основные принципы применения методов машинного обучения к социальным данным были сформулированы в работах Дж. Гриммера и Б. Стюарта [31], а также М. Генцкова с соавторами [32]. На материале парламентского дискурса классификаторы показали свою применимость в определении партийной принадлежности по тексту выступления [33] и в оценке степени поляризации дебатов [34]. Позднее, уже на материале стенограмм заседаний бундестага, было показано, что нейросетевое моделирование успешно применяется и для прогнозирования результатов выборов [35]. Интерес представляет модель PopBERT, предложенная Л. Эрхардом и его коллегами [36, с. 5] и нацеленная на автоматическое распознавание популистской риторики в речах депутатов бундестага. Данная работа ценна не только своим предметом, но и методологическим решением, поскольку подтверждает, что анализ на уровне отдельных предложений в сочетании с многометочной классификацией и обязательной качественной валидацией результатов открывает путь к более тонкому и доказательному изучению речевого поведения в парламенте.

Вместе с тем, как показывает недавний метаанализ методов в немецкой лингвистике [37], исследователи все еще отмечают нехватку интегративных моделей, которые сочетали бы корпусный анализ с предиктивным моделированием. Наша работа непосредственно отвечает на данную потребность, предлагая подход, при котором ранее выделенные через корреляционный критерий механизмы самозащиты верифицируются средствами машинного обучения.

Методологическим фундаментом для данного сочетания служат современные подходы, обосновывающие необходимость интеграции качественного лингвистического анализа текста и дискурса с количественными и корпусными методами [38]. В недавнем исследовании, выполненном на материале немецкого общественного дискурса В.Е. Чернявской [39], показана эффективность корпусно-ориентированного дискурсивного анализа, при котором квантитативное извлечение контекстов с помощью конкордансера сочетается с последующей прагма-семантической интерпретацией. Наша работа реализует сходную двухэтапную логику. На первом этапе производится сплошное аннотирование корпуса с опорой на формализованные маркеры тактик, на втором этапе количественные результаты интерпретируются в более широком теоретическом контексте. Разработанный нами формализованный перечень тактических маркеров стратегии самозащиты⁵ и процедура сплошного аннотирования корпуса решают проблему стандартизации, а включение в предиктивную модель как тактических, так и партийных признаков реализует многофакторный подход, на нехватку которого указывается в научной литературе. Наконец, сопоставление нескольких методов, таких как логистическая регрессия, случайный лес и анализ важности признаков, позволяет не только предсказывать механизм самозащиты, но и содержательно интерпретировать полученные результаты.

Методология и методика исследования

Методологический замысел исследования опирается на логику, включающую три последовательных этапа. В современных публикациях такой подход признается наиболее продуктивным при соединении корпусных и предиктивных методов [38]. На первом этапе систематизируются тактики самозащиты и проводится сквозная разметка собранного материала. На втором этапе с опорой на ранее установленные корреляционные связи выделяются устойчивые лингвопрагматические механизмы. На третьем этапе полученная типология верифицируется средствами машинного обучения. Предлагаемая схема продолжает ту линию эмпирических работ по немецкому политическому дискурсу, которая делает ставку на корпусные данные и количественные процедуры [39], и одновременно следует опыту автоматического анализа парламентской речи с привлечением алгоритмов машинного обучения [28; 36].

⁵ Формализованный перечень лексико-грамматических показателей, по которым идентифицировались тактики самозащиты, размещен в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 07.07.2026).

Материалом исследования послужил корпус стенограмм выступлений депутатов бундестага за 2025–2026 гг. Обращение к ним продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, как было сказано выше, парламентская коммуникация характеризуется выраженной институциональной адверсативностью. Именно в таких условиях, на наш взгляд, стратегия речевой самозащиты актуализируется с наибольшей полнотой, а ее тактический репертуар предстает в максимально развернутом виде. Во-вторых, жесткая партийная дисциплина и четкое идеологическое размежевание, присущие немецкому парламенту, создают естественную лабораторию для проверки гипотезы о связи лингвопрагматических механизмов самозащиты с партийной принадлежностью. Принадлежность депутата к конкретной партии выступает здесь не размытым, а формально закрепленным фактором, что открывает возможность для предиктивного моделирования с контролируруемыми переменными.

Стенограммы выступлений депутатов бундестага размечены в среде MAXQDA Analytics Pro [40]. Для каждого выступления фиксировались абсолютные частоты четырех тактик самозащиты: оправдания (justification), оспаривания (challenge), критики (criticism) и противопоставления (contrast). Затем частоты пересчитывались в относительные показатели на 1000 слов⁶. Итоговый объем корпуса составил 363 выступления (207519 слов). Надежность разметки контролировалась перекрестной проверкой: коэффициент каппа Коэна равен 0,78.

Наряду с тактическими показателями в набор признаков включили и партийную принадлежность депутата. Всего в корпусе представлены выступления членов пяти партий, а именно: Христианско-демократического союза (ХДС; Christlich Demokratische Union, CDU), Христианско-социального союза (ХСС; Christlich-Soziale Union, CSU), Социал-демократической партии Германии (СДПГ; Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD), «Союза 90 / Зеленых» (Bündnis 90 / Die Grünen), Левой партии (Die Linke) и «Альтернативы для Германии» (АдГ; Alternative für Deutschland, AfD).

Каждое выступление получало метку одного из четырех механизмов самозащиты. К ним относились оборонительный (defensive), конструктивно-сбалансированный (constructive-balanced), агональный (agonistic) и смешанный (mixed). Основанием для такой классификации послужила корреляция между оправданием и критикой, характер которой был установлен в предыдущем исследовании и значимо различается от партии к партии⁷. В выступлениях блока ХДС/ХСС связь между этими тактиками практически отсутствует ($r \approx +0,09$), у СДПГ она несколько выше ($r \approx +0,21$), а в речах представителей «Союза 90 / Зеленых» достигает заметной положительной величины ($r = +0,61$). В речевом поведении Левой партии и «Альтернативы для Германии» корреляция становится отрицательной ($r = -0,24$ и $r = -0,38$ соответственно). Таким образом, каждому выступлению приписывался один из четырех лингвопрагматических механизмов, эмпирически выделенных на основе корреляционных структур.

Помимо тактик в вектор признаков была введена партийная принадлежность говорящего. Ее преобразовали методом унитарного кодирования (one-hot encoding) в пять бинарных индикаторов. В совокупности с относительными частотами четырех тактик полная модель оперирует девятью признаками. После разделения выборки обучающая матрица получила размерность 290×9 , а тестовая — 73×9 ⁸.

Все числовые показатели были стандартизированы (z-score) для приведения масштабов к сопоставимому виду. В эксперименте сопоставлялись два классификатора, выбор которых был

⁶ Ключевые лексико-грамматические показатели, по которым идентифицировалась каждая тактика, размещены в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/nYTmuWf0OTkQSQ> (дата обращения: 07.07.2026).

⁷ Детальное качественное обоснование типологии лингвопрагматических механизмов самозащиты, включая описание тактического репертуара и корреляционных связей, содержится в статье авторов, находящейся на рассмотрении в редакции издания «Филологические науки в МГИМО». Настоящая работа представляет собой независимое предиктивное исследование, выполненное с использованием методов машинного обучения.

⁸ Полная версия аннотированного корпуса с указанием имен депутатов, партийной принадлежности, абсолютных и относительных частот четырех тактик, а также присвоенного лингвопрагматического механизма самозащиты доступна в открытом репозитории авторов: URL: <https://disk.yandex.ru/i/PjclsbWgE1fiTQ> (дата обращения: 07.07.2026).

продиктован стандартной практикой [41]. В качестве первого классификатора использовалась мультиномиальная логистическая регрессия (Multinomial Logistic Regression). Данный метод удобен тем, что его коэффициенты напрямую показывают вклад каждой тактики в предсказание того или иного механизма, что делает результаты легко интерпретируемыми. Вторым классификатором стал случайный лес (Random Forest) из 500 деревьев с расщеплением по критерию неопределенности Джини. В отличие от регрессии он позволяет улавливать нелинейные взаимодействия между переменными и дает более устойчивые оценки важности признаков. Данные случайным образом разделили на обучающую (80%) и тестовую (20%) выборки с сохранением пропорций классов. Для проверки устойчивости моделей применялась пятикратная перекрестная проверка. Качество классификации оценивали по общей точности (ассурагу), а для каждого класса отдельно по точности (precision), полноте (recall) и среднему гармоническому между точностью и полнотой (F1-мере, F1-score). Ошибочные решения визуализировали с помощью матрицы ошибок. Все вычисления выполнены в среде Python 3.10 с использованием библиотек scikit-learn, pandas и matplotlib.

Обзор литературы осуществлен с помощью сервиса Consensus⁹. Все материалы, полученные с опорой на данный сервис, прошли тщательную авторскую верификацию и критическую переработку. Ответственность за достоверность данных и корректность библиографических ссылок полностью лежит на авторах.

Результаты исследования и обсуждение

В этом разделе последовательно сравниваются два варианта предсказательной модели. Первый, полный, включает как частоты четырех тактик, так и информацию о партийной принадлежности. Вторым, редуцированным, опирается только на тактические переменные. Результаты классификации представлены в табл. 1–5, основные количественные данные проиллюстрированы рис. 1–4.

Полная модель, объединяющая частоты четырех тактик самозащиты и пять бинарных индикаторов партийной принадлежности

Когда классификатор располагал всеми девятью признаками, то есть четырьмя тактическими переменными и пятью бинарными индикаторами партий, и мультиномиальная логистическая регрессия, и случайный лес работали безошибочно на отложенной тестовой выборке. Случайный лес показал точность (ассурагу) 1,00 при стандартном отклонении 0,00. Следует отметить, что ни на одном из пяти независимых разбиений корпуса классификатор ни разу не ошибся. Такой результат практически исключает переобучение и указывает на то, что разделение между классами заложено в самой структуре данных, а не привнесено алгоритмом. Как видно из рис. 1, распределение классов в пространстве признаков носит не размытый, а четко очерченный характер.

Отчеты о классификации (табл. 1 и 2) показывают, что для каждого из четырех механизмов самозащиты значения точности (precision) и полноты (recall) достигают 1,00; соответственно, F1-мера также равна 1,00. Модель не только верно идентифицировала все предъявленные случаи, но и ни разу не смешала классы, отнеся выступление к неверному типу. Столь высокая и при этом равномерная точность нехарактерна ни для случайного угадывания, ни для переобученного классификатора, что служит дополнительным свидетельством в пользу объективности выделенных лингвопрагматических механизмов.

Анализ важности признаков, выполненный для случайного леса, показал, что доминирующую роль в правильной классификации играют бинарные переменные, кодирующие партийную принадлежность депутата. Признак `is_AfD` занял первую позицию по значимости, за ним

⁹ Академическая поисковая система на базе искусственного интеллекта Consensus NLP Inc. URL: <https://consensus.app/> (дата обращения: 07.07.2026).

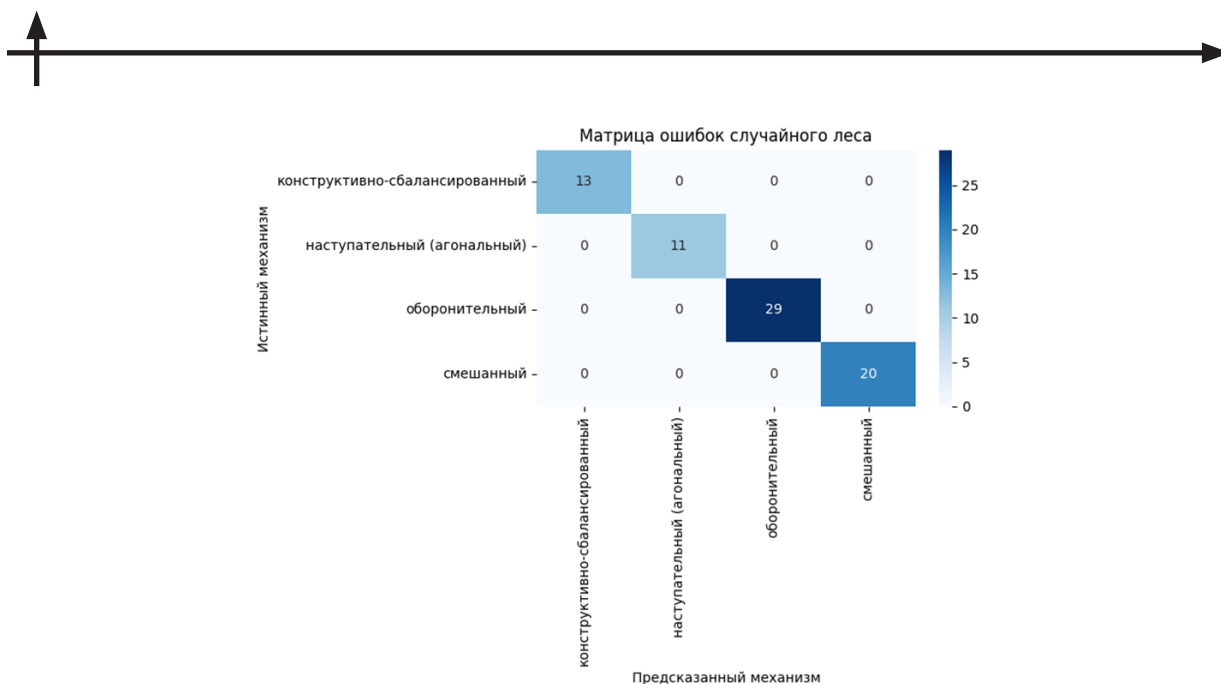

Рис. 1. Матрица ошибок случайного леса для тестовых данных с полным набором признаков

Fig. 1. Confusion Matrix of the Random Forest for Test Data with a Full Set of Features

Таблица 1. Результаты классификации полной модели методом случайного леса

Table 1. Classification Results for the Full Model (Random Forest)

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно сбалансированный	1,00	1,00	1,00	13
Наступательный (агональный)	1,00	1,00	1,00	11
Оборонительный	1,00	1,00	1,00	29
Смешанный	1,00	1,00	1,00	20
macro avg	1,00	1,00	1,00	73
weighted avg	1,00	1,00	1,00	73
Accuracy	1,00			

Таблица 2. Результаты классификации полной модели мето-

дом мультиномиальной логистической регрессии

Table 2. Classification Results for the Full Model (Multinomial Logistic Regression)

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	1,00	1,00	1,00	13
Наступательный (агональный)	1,00	1,00	1,00	11
Оборонительный	1,00	1,00	1,00	29
Смешанный	1,00	1,00	1,00	20
macro avg	1,00	1,00	1,00	73
weighted avg	1,00	1,00	1,00	73
Accuracy	1,00			

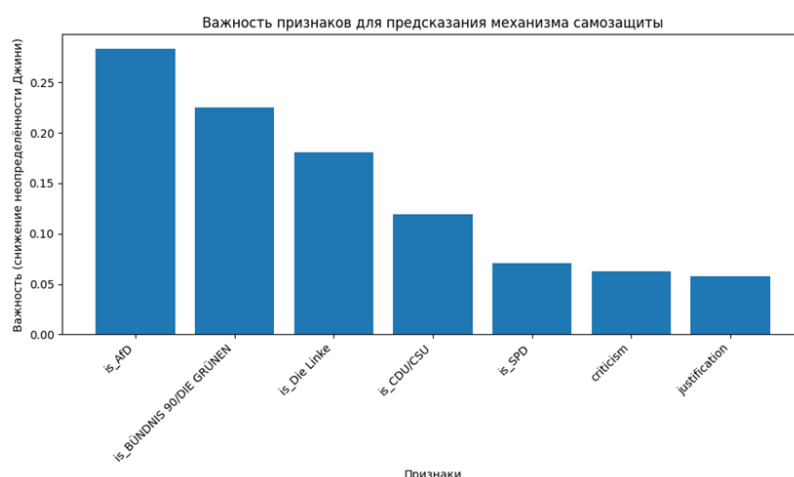

Рис. 2. Важность индикаторов партийной принадлежности для предсказания лингвопрагматического механизма самозащиты (полная модель)

Fig. 2. Importance of Party Affiliation Indicators for Predicting the Linguopragmatic Mechanism of Self-Defence (Full Model)

следовали is_BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN, is_Die Linke, is_CDUCSU и is_SPD. Тактические переменные не вносили сопоставимого вклада. Некоторым весом среди них обладали лишь частота критики (criticism) и частота оправдания (justification), тогда как оспаривание (challenge) и противопоставление (contrast) практически не сказывались на точности предсказаний (рис. 2). Данный результат, на первый взгляд парадоксальный, служит прямым эмпирическим подтверждением исходной гипотезы.

Редуцированная модель, объединяющая только частоты четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности

Иная картина открывается при исключении партийной принадлежности из состава предикторов. Модель случайного леса, обученная исключительно на частотах оправдания, оспаривания, критики и противопоставления, демонстрирует точность, которая хотя и не является идеальной, но значительно превосходит случайный порог. На отложенной тестовой выборке точность (ассигасу) составила 0,55 при следующем распределении метрик по классам (табл. 3).

Обращает на себя внимание значительный разброс в качестве классификации между отдельными механизмами. Лучше всего классификатор распознает оборонительный механизм ($F1 = 0,71$). Данный результат можно объяснить тем фактом, что в его тактическом профиле резко доминирует оправдание, а критика сведена к минимуму, что создает отчетливый, трудно с чем-либо спутываемый профиль. Смешанный механизм также классифицируется достаточно уверенно ($F1 = 0,65$). Иначе обстоит дело с конструктивно-сбалансированным и наступательным (агональным) механизмами, которые модель систематически смешивает ($F1 = 0,31$ и $0,25$ соответственно). Причина трудноразличимости механизмов видится нам в том, что последние объединяет высокая доля критики и без информации о партийной принадлежности говорящего они становятся практически неразличимыми. Данную закономерность хорошо иллюстрирует матрица ошибок случайного леса, приведенная на рис. 3. Близкие результаты показывает и мультиномиальная логистическая регрессия, обученная на тех же четырех тактиках (табл. 4). Ее общая точность достигла 0,59, что несколько выше, чем у случайного леса, однако очередность классов по убыванию точности сохранилась. Оборонительный механизм и здесь распознается наиболее уверенно ($F1 = 0,77$), тогда как конструктивно-сбалансированный и наступательный (агональный) классы по-прежнему смешиваются ($F1 = 0,25$ и $0,38$ соответственно).

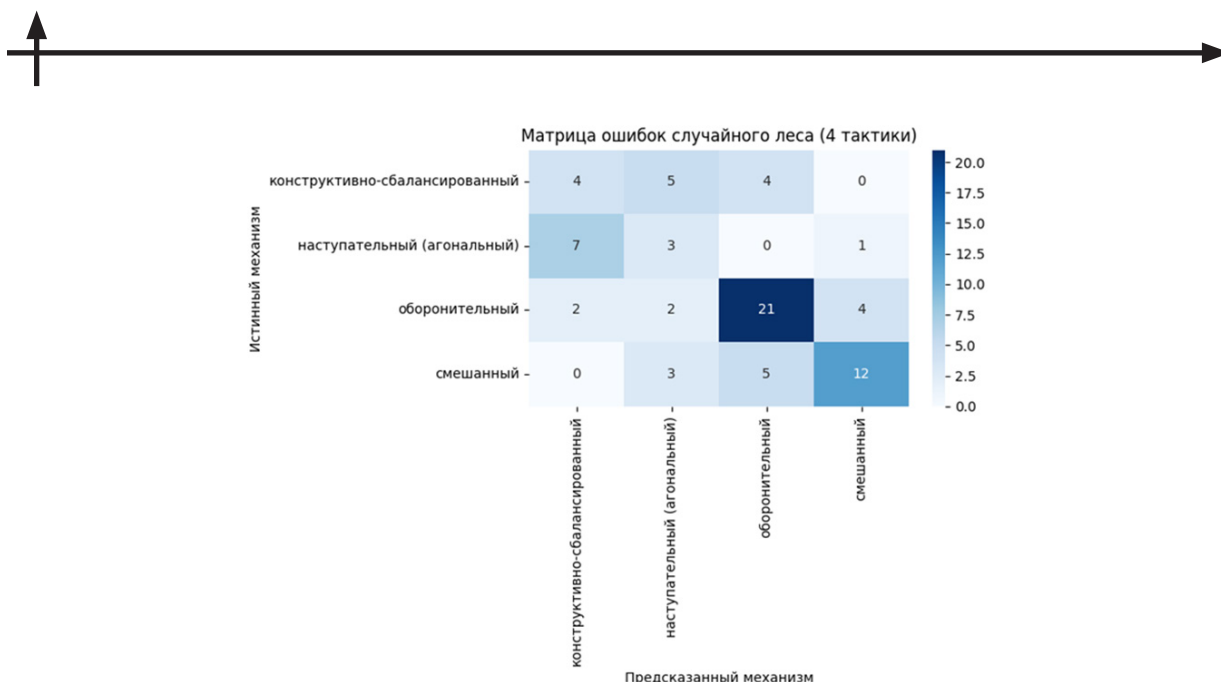

Рис. 3. Матрица ошибок случайного леса для тестовых данных с редуцированным до четырех тактик набором признаков

Fig. 3. Confusion Matrix of the Random Forest for Test Data with a Feature Set Reduced to Four Tactics

Таблица 3. Отчет о классификации случайного леса для модели из четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности
Table 3. Classification Report for the Random Forest Model Based on Four Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,31	0,31	0,31	13
Наступательный (агональный)	0,23	0,27	0,25	11
Оборонительный	0,70	0,72	0,71	29
Смешанный	0,71	0,60	0,65	20
macro avg	0,49	0,48	0,48	73
weighted avg	0,56	0,55	0,55	73
Accuracy	0,55			

Близость результатов, полученных на двух алгоритмически различных моделях, говорит о том, что зафиксированные закономерности не являются артефактом конкретного классификатора, а отражают устойчивую структуру данных.

Наиболее уязвимой для классификатора оказывается граница между конструктивной критикой и наступательной (агональной), в то время как оборонительный профиль с его резким доминированием оправдания выделяется практически безошибочно.

На рис. 4 показано, как распределилась важность признаков, когда модель перестала располагать сведениями о партийной принадлежности. Сравнение с рис. 2 обнаруживает, что устранение партийных индикаторов заметно увеличивает вес тактических переменных. Однако и в данной ситуации только критика и оправдание сохраняют значимую предсказательную силу, тогда как оспаривание и противопоставление по-прежнему не играют заметной роли.

Сокращение тактического набора до двух базовых переменных (оправдание и критика) практически не сказалось на точности модели. Средняя точность (ассурагу) снизилась с 0,55 до

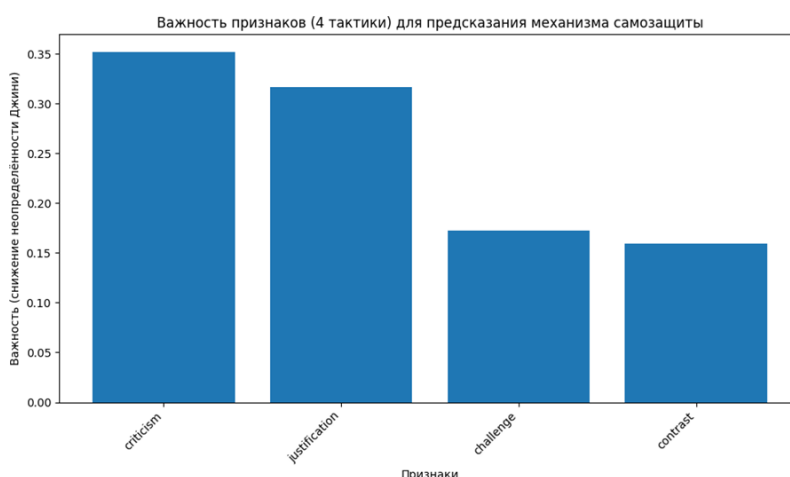

Рис. 4. Важность тактик для предсказания лингвопрагматического механизма самозащиты
(редуцированная до четырех тактик модель)

Fig. 4. Importance of Tactics for Predicting the Linguopragmatic Mechanism of Self-Defence
(Reduced Four-Tactic Model)

Таблица 4. Отчет о классификации мультиномиальной логистической регрессии для модели из четырех тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности
Table 4. Classification Report for the Multinomial Logistic Regression Model Based on Four Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,27	0,23	0,25	13
Наступательный (агональный)	0,40	0,36	0,38	11
Оборонительный	0,73	0,83	0,77	29
Смешанный	0,63	0,60	0,62	20
macro avg	0,51	0,51	0,51	73
weighted avg	0,57	0,59	0,58	73
Accuracy	0,59			

0,53 (табл. 5). Столь незначительное снижение указывает на то, что оспаривание и противопоставление не вносят самостоятельного вклада в разграничение механизмов самозащиты, а служат, по-видимому, стилистическими усилителями внутри уже заданного партией тактического профиля.

Сопоставление двух моделей и обсуждение

Полученные нами данные дают основания утверждать, что лингвопрагматический механизм самозащиты не просто коррелирует с партийной принадлежностью, а определяется ею. На это указывают безупречная точность полной модели и резкое падение точности при исключении партийных признаков. Тактический профиль сам по себе несет содержательную информацию о механизме, однако решающее значение имеет институциональная позиция партии, вбирающая в себя и идеологический компонент, и роль в парламентской системе. Даже когда редуцированная модель улавливает различия между оборонительным и смешанным поведением, она не

**Таблица 5. Отчет о классификации случайного леса для модели
из двух тактик самозащиты без бинарных индикаторов партийной принадлежности**

**Table 5. Classification Report for the Random Forest Model
Based on Two Self-Defence Tactics Without Binary Party Affiliation Indicators**

Класс	Precision	Recall	F1-score	Support
Конструктивно-сбалансированный	0,42	0,38	0,40	13
Наступательный (агональный)	0,29	0,36	0,32	11
Оборонительный	0,67	0,76	0,71	29
Смешанный	0,57	0,40	0,47	20
macro avg	0,49	0,48	0,48	73
weighted avg	0,54	0,53	0,53	73
Accuracy	0,53			

способна провести грань между конструктивной и агональной критикой ровно до того момента, пока в распоряжении алгоритма не оказываются сведения о партийной принадлежности.

Таким образом, проведенный эксперимент, с нашей точки зрения, не просто подтверждает выдвинутую гипотезу, но и вскрывает природу связи между речевым поведением и институциональным статусом политического актора. Лингвопрагматический механизм самозащиты представляет собой производную от партийной принадлежности. Варьируясь по форме, он сохраняет устойчивую содержательную связь с идеологией и институциональной ролью партии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что четыре выделенных лингвопрагматических механизма самозащиты, а именно оборонительный, конструктивно-сбалансированный, наступательный (агональный) и смешанный, представляют собой не умозрительную типологию, а объективно существующие и статистически верифицируемые механизмы речевого поведения. Принципиально важно, что данные механизмы поддаются надежному прогнозированию средствами машинного обучения.

Предшествующий корреляционный анализ выявил строгую связь между типом механизма и характером соотношения тактик оправдания и критики. Данная связь оказалась настолько устойчивой, что послужила количественным критерием, который сам по себе обладает разграничительной силой. Классификаторы, обученные на полном наборе признаков (тактические частоты и партийная принадлежность), достигли безошибочной точности (1,00 при кросс-валидации). Полученный результат прямо указывает на то, что партийная принадлежность содержит всю необходимую информацию для определения механизма самозащиты, поскольку институциональная роль и идеологическая позиция партии жестко детерминируют выбор речевых средств.

Когда из модели убираются партийные индикаторы, точность снижается до 0,53 на двух тактиках и до 0,55 на четырех. Сами по себе данные цифры, более чем вдвое превышающие уровень случайного угадывания (0,25), не позволяют игнорировать тактические переменные как несущественные. За ними стоит реальная, хотя и неполная, предсказательная сила. Однако обратим внимание на другое. Добавление оспаривания и противопоставления дает минимальный прирост точности. Данные тактики, как мы полагаем, не вносят самостоятельного вклада в разграничение механизмов. Их функция, скорее, стилистическая. Они усиливают, оттеняют, варьируют тот тактический профиль, который уже задан партийной принадлежностью. Иными словами, оспаривание и противопоставление подчинены базовой паре, оправданию и критике,

и не перестраивают общую структуру самозащиты. Определяющим фактором при выборе лингвопрагматического механизма остается институциональная позиция говорящего.

Теоретическое значение работы мы видим прежде всего в возможности распространить предложенный подход, а именно независимую верификацию лингвопрагматических механизмов самозащиты методами машинного обучения, на материал других парламентов и жанров политической коммуникации. Что касается практической ценности, она связана с перспективой использования обученного классификатора для автоматизированного мониторинга речевого поведения политических акторов.

Разумеется, настоящее исследование имеет ограничения, и главными среди них являются временной срез корпуса и отсутствие в модели иллокутивных и стилистических характеристик. Перечисленные ограничения очерчивают естественные направления для дальнейшей работы. Расширение набора предикторов и диахронический анализ динамики механизмов самозащиты представляются нам ближайшими задачами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Хлопотунов Я.Ю.** Языковые приемы реализации коммуникативной стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. Т. 4. № 2. С. 7–17. DOI: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17
2. **Hansson S.** Discursive strategies of blame avoidance in government: A framework for analysis // Discourse & Society. 2015. Vol. 26. Iss. 3. P. 297–322. DOI: 10.1177/0957926514564736
3. **Ilie C.** How to Argue with Questions and Answers: Argumentation Strategies in Parliamentary Deliberation // Languages. 2022. Vol. 7. Iss. 3. Art. no. 205. DOI: 10.3390/languages7030205
4. **Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х.** Риторика отказа: отрицание и контраргумент в дискуссиях Трампа и Харрис на дебатах 2024 года // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207
5. **Vallauri E.L.** Aggression and disagreement in public communication: Convincing third parties through implicit strategies // Journal of Language Aggression and Conflict. 2024. Vol. 12. Iss. 1. P. 41–65. DOI: 10.1075/jlac.00096.lom
6. **Berrocal M.** Delegitimization strategies in Czech parliamentary discourse // Political Discourse in Central, Eastern and Balkan Europe / ed. by M. Podboj et al. Amsterdam: John Benjamins, 2019. P. 119–146. DOI: 10.1075/dapsac.84.06ber
7. **Ferrer L.P., Rautajoki H.** Navigating coercion in political rhetoric: shifting strategies to cope with intervention by the Troika in Portugal // Contemporary Politics. 2020. Vol. 26. Iss. 2. P. 206–225. DOI: 10.1080/13569775.2019.1663394
8. **Перминова Г.В.** Стратегия самозащиты в условиях кризисной коммуникации: статистическая верификация зависимости выбора тактик от кризиса (на материале дискурса правящей коалиции Германии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 9. С. 4107–4118. DOI: 10.30853/phil20250561
9. **Ilie C.** Discourse and metadiscourse in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. Vol. 2. Iss. 1. P. 71–92. DOI: 10.1075/JLP.2.1.05ILI
10. **Burkhardt A.** Zwischenrufe, Zwischenfragen, Kurzinterventionen // Handbuch Politische Rhetorik / hrsg. von A. Burkhardt. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. S. 739–764.
11. **Koch E., Küpfer A.** The politics of seeking and avoiding discourse in parliament // European Journal of Political Research. 2025. Vol. 64. Iss. 4. P. 1899–1922. DOI: 10.1111/1475-6765.70013
12. **Паршина О.Н.** Российская политическая речь: теория и практика. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 232 с.
13. **Van Dijk T.A.** Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 384 p.
14. **Wodak R.** The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: Sage, 2015. 238 p. DOI: 10.4135/9781446270073

15. **Khramchenko D.S.** The Mechanism of Verbal Warfare & Polarization: Exploring Communicative Strategies in American Political Discourse // *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2025. Vol. 16. Iss. 1. P. 105–124. DOI: 10.22055/RALS.2024.47805.3363
16. **Snijder L.L., Gross J., De Dreu C.K.W.** How defense rhetoric escalates intergroup conflict // *iScience*. 2025. Vol. 28. Iss. 11. Art. no. 113749. DOI: 10.1016/j.isci.2025.113749
17. **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 9-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2024. 320 с.
18. **Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
19. **Глушак В.М.** Дискурсивная асимметрия этнонимных прилагательных deutsch и russisch (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой») // *Terra Linguistica*. 2026. T. 17. № 2. С. 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202
20. **Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.** Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2025. Т. 16. № 1. С. 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
21. **Benoit W.L.** Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies. Albany: State University of New York Press, 1995. 208 p.
22. **Naderi N., Hirst G.** Recognizing Reputation Defence Strategies in Critical Political Exchanges // *Proceedings of the Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP)*. Varna, 2017. P. 527–537. DOI: 10.26615/978-954-452-049-6_069
23. **Naderi N., Hirst G.** Using context to identify the language of face-saving // *Proceedings of the 5th Workshop on Argument Mining*. Section 2.3. Brussels, 2018. P. 111–120. DOI: 10.18653/V1/W18-5214
24. **Езан И.Е.** Реализация фактора адресата во внешнеполитических и внутривнутриполитических речах Р. Херцога // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 3 (7). С. 45–49.
25. **Дойникова М.И.** Особенности реализации коммуникативной стратегии самозащиты в немецком политическом дискурсе // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 1 (110). С. 526–528. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-526-529
26. **Дойникова М.И.** Речевое поведение депутатов партии «Альтернатива для Германии» (на материале протоколов бундестага) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 3. С. 844–850. DOI: 10.30853/phil20250120
27. **Глушак В.М., Принципалова О.В.** Вербализация имидженарушающих интенций в немецком политическом дискурсе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 4. С. 92–99. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-92-99
28. **Pätz L., Beyer M., Späth J., Bohlen L., Zschech P., Kraus M., Rosenberger J.** Analyzing German Parliamentary Speeches: A Machine Learning Approach for Topic and Sentiment Classification // *Journal of Computational Social Science*. 2025. Vol. 8. Iss. 1. P. 45–67. DOI: 10.48550/arXiv.2508.03181
29. **Bornheim T.** Speaker Attribution in German Parliamentary Debates with QLoRA-adapted Large Language Models // *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2024. Vol. 37. Iss. 1. P. 1–13. DOI: 10.21248/jlcl.37.2024.244
30. **Bisiada M.** The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz's Zeitenwende speech // *Critical Discourse Studies*. 2024. Vol. 21. Iss. 6. P. 629–646. DOI: 10.1080/17405904.2023.2186450
31. **Grimmer J., Stewart B.M.** Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts // *Political Analysis*. 2013. Vol. 21. Iss. 3. P. 267–297. DOI: 10.1093/pan/mps028
32. **Gentzkow M., Kelly B., Taddy M.** Text as Data // *Journal of Economic Literature*. 2019. Vol. 57. Iss. 3. P. 535–574. DOI: 10.1257/jel.20181020
33. **Hirst G., Riabinin Ya., Graham J.** Party status as a confound in the automatic classification of political speech by ideology // *Statistical Analysis of Textual Data: Proceedings of the 10th International Conference (JADT 2010)* / ed. by S. Bolasco, I. Chiari, L. Giuliano. Milano: LED, 2010. P. 731–742.
34. **Rheault L., Cochrane Ch.** Word Embeddings for the Analysis of Ideological Placement in Parliamentary Corpora // *Political Analysis*. 2020. Vol. 28. Iss. 1. P. 112–133. DOI: 10.1017/pan.2019.26
35. **Каминченко Д.И.** Прогнозирование результатов внеочередных выборов в национальный парламент Германии 2025 г. на основе нейросетевого моделирования // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2025. № 84. С. 219–235. DOI: 10.17223/1998863X/84/18
36. **Erhard L., Hanke S., Remer U., Falenska A., Heiberger R.H.** PopBERT. Detecting Populism and Its Host Ideologies in the German Bundestag // *Political Analysis*. 2025. Vol. 33. Iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.1017/pan.2024.12

37. **Axmadjonov N.Z.O., Qizi K.M.** Revisiting speech act theory in German linguistics: a systematic review of methodological approaches // *Cogent Arts & Humanities*. 2025. Vol. 12. Iss. 1. Art. no. 2568967. DOI: 10.1080/23311983.2025.2568967

38. **Чичерина Н.В., Чернявская В.Е., Хохлова М.В.** Текстовые и дискурсивные данные в цифровой медиасреде: основные принципы лингвистического анализа и автоматической обработки. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. 97 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/i25-61

39. **Чернявская В.Е.** Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: *westliche Werte* (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

40. **Rädiker S., Gizzi M.C.** (eds.) *The Practice of Qualitative Data Analysis: Research Examples Using MAXQDA* / ed. by S. Rädiker, M.C. Gizzi. Vol. 2. Berlin: MAXQDA Press, 2024. 179 p. DOI: 10.36192/978-3-948768188

41. **James G., Witten D., Hastie T., Tibshirani R.** *An Introduction to Statistical Learning: with Applications in R*. 2nd ed. New York: Springer, 2021. XV + 607 p. DOI: 10.1007/978-1-0716-1418-1

REFERENCES

[1] **Khlopotunov Ya.Y.**, Linguistic Methods of Implementing a Communicative Strategy of Self-Defense in American Political Discourse. *Professional Discourse & Communication*, 4 (2) (2022) 7–17. DOI: 10.24833/2687-0126-2022-4-2-7-17

[2] **Hansson S.**, Discursive strategies of blame avoidance in government: A framework for analysis, *Discourse & Society*, 26 (3) (2015) 297–322. DOI: 10.1177/0957926514564736

[3] **Ilie C.**, How to Argue with Questions and Answers: Argumentation Strategies in Parliamentary Deliberation, *Languages*, 7 (3) (2022) 205. DOI: 10.3390/languages7030205.

[4] **Nguyen T.B.G., Tran X.H.**, The Rhetoric of Rejection: Deny and Counter in Trump and Harris's 2024 Debate Discourse, *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 111–133. DOI: 10.18721/JHSS.17207

[5] **Vallauri E.L.**, Aggression and disagreement in public communication: Convincing third parties through implicit strategies, *Journal of Language Aggression and Conflict*, 12 (1) (2024) 41–65. DOI: 10.1075/jlac.00096.lom

[6] **Berrocal M.**, Delegitimization strategies in Czech parliamentary discourse, *Political Discourse in Central, Eastern and Balkan Europe*, ed. by M. Podboj et al., John Benjamins, Amsterdam, 2019, pp. 119–146. DOI: 10.1075/dapsac.84.06ber

[7] **Ferrer L.P., Rautajoki H.**, Navigating coercion in political rhetoric: shifting strategies to cope with intervention by the Troika in Portugal, *Contemporary Politics*, 26 (2) (2020) 206–225. DOI: 10.1080/13569775.2019.1663394

[8] **Perminova G.V.**, Self-defense strategies in crisis communication: statistical verification of the dependence of tactic choice on crisis type (based on the discourse of the ruling coalition of the Federal Republic of Germany), *Philology. Theory & Practice*, 18 (9) (2025) 4107–4118. DOI: 10.30853/phil20250561

[9] **Ilie C.**, Discourse and metadiscourse in parliamentary debates, *Journal of Language and Politics*, 2 (1) (2003) 71–92. DOI: 10.1075/jlp.2.1.05ili

[10] **Burkhardt A.**, *Zwischenrufe, Zwischenfragen, Kurzinterventionen*, Handbuch Politische Rhetorik, hrsg. von A. Burkhardt, De Gruyter, Berlin, Boston, 2020, S. 739–764.

[11] **Koch E., Küpfer A.**, The politics of seeking and avoiding discourse in parliament, *European Journal of Political Research*, 64 (4) (2025) 1899–1922. DOI: 10.1111/1475-6765.70013

[12] **Parshina O.N.**, *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice], 3rd ed., LIBROKOM, Moscow, 2012.

[13] **Van Dijk T.A.**, *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, Sage, London, 1998.

[14] **Wodak R.**, *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage, London, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073

- [15] **Khramchenko D.S.**, The Mechanism of Verbal Warfare & Polarization: Exploring Communicative Strategies in American Political Discourse, *Journal of Research in Applied Linguistics*, 16 (1) (2025) 105–124. DOI: 10.22055/RALS.2024.47805.3363
- [16] **Snijder L.L., Gross J., De Dreu C.K.W.**, How defense rhetoric escalates intergroup conflict, *iScience*, 28 (11) (2025) 113749. DOI: 10.1016/j.isci.2025.113749
- [17] **Issers O.S.**, *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], 9th ed., LENAND, Moscow, 2024.
- [18] **Sheygal E.I.**, *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Gnozis, Moscow, 2004.
- [19] **Glushak V.M.**, Discursive Asymmetry of the Ethnonymic German Adjectives Deutsch and Russisch (A Corpus-based Statistical Study of the Self/Other Dichotomy), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202
- [20] **Chernyavskaya V.E., Gorshkova N.E.**, Hybrid genre in persuasive communication, *Slovo.ru: Baltic accent*, 16 (1) (2025) 74–89. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-5
- [21] **Benoit W.L.**, *Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies*, State University of New York Press, Albany, 1995.
- [22] **Naderi N., Hirst G.**, Recognizing Reputation Defence Strategies in Critical Political Exchanges, *Proceedings of the Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP)*, Varna, 2017, pp. 527–537. DOI: 10.26615/978-954-452-049-6_069
- [23] **Naderi N., Hirst G.**, Using context to identify the language of face-saving, *Proceedings of the 5th Workshop on Argument Mining*, Section 2.3. Brussels, 2018, pp. 111–120. DOI: 10.18653/v1/W18-5214
- [24] **Ezan I.E.**, Realisation of the Factor of the Addressee in Roman Herzog's Speeches on Foreign and Domestic Policy, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies], 3 (7) (2015) 45–49.
- [25] **Doynikova M.I.**, Features of Implementation of the Communicative Strategy of Self-Defense in German Political Discourse, *The world of science, culture and education*, 1 (110) (2025) 526–528. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-526-529
- [26] **Doynikova M.I.**, Speech behavior of deputies of the "Alternative for Germany" party (based on the materials of the Bundestag transcripts), *Philology. Theory & Practice*, 18 (3) (2025) 844–850. DOI: 10.30853/phil20250120
- [27] **Glushak V.M., Printsipalova O.V.**, Verbalizing Face-Threatening Intentions in German Political Discourse, *Issues of Cognitive Linguistics*, 4 (2020) 92–99. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-92-99
- [28] **Pätz L., Beyer M., Späth J., Bohlen L., Zschech P., Kraus M., Rosenberger J.**, Analyzing German Parliamentary Speeches: A Machine Learning Approach for Topic and Sentiment Classification, *Journal of Computational Social Science*, 8 (1) (2025) 45–67. DOI: 10.48550/arXiv.2508.03181
- [29] **Bornheim T.**, Speaker Attribution in German Parliamentary Debates with QLoRA-adapted Large Language Models, *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 37 (1) (2024) 1–13. DOI: 10.21248/jlcl.37.2024.244
- [30] **Bisiada M.**, The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz's *Zeitenwende* speech, *Critical Discourse Studies*, 21 (6) (2024) 629–646. DOI: 10.1080/17405904.2023.2186450
- [31] **Grimmer J., Stewart B.M.**, Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts, *Political Analysis*, 21 (3) (2013) 267–297. DOI: 10.1093/pan/mps028
- [32] **Gentzkow M., Kelly B., Taddy M.**, Text as Data, *Journal of Economic Literature*, 57 (3) (2019) 535–574. DOI: 10.1257/jel.20181020
- [33] **Hirst G., Riabinin Ya., Graham J.**, Party status as a confound in the automatic classification of political speech by ideology, *Statistical Analysis of Textual Data: Proceedings of the 10th International Conference (JADT 2010)*, ed. by S. Bolasco, I. Chiari, L. Giuliano, LED, Milano, 2010, pp. 731–742.
- [34] **Rheault L., Cochrane Ch.**, Word Embeddings for the Analysis of Ideological Placement in Parliamentary Corpora, *Political Analysis*, 28 (1) (2020) 112–133. DOI: 10.1017/pan.2019.26
- [35] **Kaminchenko D.I.**, Forecasting the results of the federal election to the German parliament in 2025 based on neural network modeling, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 84 (2025) 219–235. DOI: 10.17223/1998863X/84/18
- [36] **Erhard L., Hanke S., Remer U., Falenska A., Heiberger R.H.**, PopBERT. Detecting Populism and Its Host Ideologies in the German Bundestag, *Political Analysis*, 33 (1) (2025) 1–17. DOI: 10.1017/pan.2024.12

[37] **Axmadjonov N.Z.O., Qizi K.M.**, Revisiting speech act theory in German linguistics: a systematic review of methodological approaches, *Cogent Arts & Humanities*, 12 (1) (2025) 2568967. DOI: 10.1080/23311983.2025.2568967

[38] **Chicherina N.V., Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, *Tekstovyye i diskursivnyye dannyye v tsifrovoy mediasrede: osnovnyye printsipy lingvisticheskogo analiza i avtomaticheskoy obrabotki* [Text and discourse data in digital media environment: basic principles of linguistic analysis and automatic processing], Saint-Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, Saint-Petersburg, 2025. DOI: 10.18720/SPBPU/2/i25-61

[39] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of *westliche Werte* (western values), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

[40] *The Practice of Qualitative Data Analysis: Research Examples Using MAXQDA*, ed. by S. Rädiker, M.C. Gizzi. Vol. 2, MAXQDA Press, Berlin, 2024. DOI: 10.36192/978-3-948768188

[41] **James G., Witten D., Hastie T., Tibshirani R.**, *An Introduction to Statistical Learning: with Applications in R*, 2nd ed., Springer, New York, 2021. DOI: 10.1007/978-1-0716-1418-1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Перминова Галина Валерьевна

Galina V. Perminova

E-mail: perminowa_gv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2973-3376>

Дойникова Марина Игоревна

Marina I. Doynikova

E-mail: doynikovami@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5361-2567>

Поступила: 15.06.2026; Одобрена: 26.08.2026; Принята: 16.09.2026.

Submitted: 15.06.2026; Approved: 26.08.2026; Accepted: 16.09.2026.